

Митина любовь

Окончаніе *)

XVI

Въ этотъ день Митина любовь претерпѣла жестокой переломъ.

Съ этого дня онъ пересталъ слѣдить за всѣми тѣми переменами, что совершали вокругъ него весна, наступающее лѣто. Онъ видѣлъ и даже чувствовалъ ихъ, эти перемены, но онѣ потеряли для него свою самостоятельную цѣнность, онъ наслаждался ими только мучительно: чѣмъ было лучше, тѣмъ мучительнѣе было ему. Катя стала уже истиннымъ навожденіемъ; Катя была теперь во всемъ и за всѣмъ уже до нелѣпости, а такъ какъ всякій новый день все страшнѣе подтверждалъ, что она для него, для Мити, уже почти не существуетъ, что она уже въ чьей-то чужой власти, что она совершаетъ нѣчто чудовищное, — отдастъ кому-то другому себя и свою любовь, всецѣло долженствующую принадлежать только ему, Митѣ, — то и все въ мірѣ сдѣлалось не тѣмъ, что надо, стало казаться ненужнымъ, мучительнымъ и тѣмъ болѣе ненужнымъ и мучительнымъ, чѣмъ болѣе оно было прекрасно.

Все вокругъ него продолжало жить ровной жизнью, совершая въ мѣру силъ должное и возможное. Одинъ онъ былъ внѣ этой жизни, ничего не совершая, а только жаждавшая чего-то тоже должнаго, даже стократъ болѣе должнаго, чѣмъ все прочее, но вмѣстѣ съ тѣмъ безмѣрнаго и, какъ теперь становилось все яснѣе, совершенно невозможнаго.

*) См. «Совр. Записки» кн. XXIII.

По ночамъ онъ почти не спалъ. Прелесть этихъ лунныхъ ночей была несравненна. Тихо, тихо стоялъ ночью млечный садъ. Осторожно, изнемогая отъ нѣги, пѣли ночные соловьи, состязаясь другъ съ другомъ въ сладости и тонкости пѣсенъ, въ ихъ чистотѣ, тщательности, звучности. И тихая, нѣжная, совсѣмъ блѣдная луна низко стояла надъ садомъ, и неизмѣнно сопутствовала ей мелкая, несказанно прелестная зыбь голубоватыхъ облаковъ. Митя спалъ съ незавѣшенными окнами, и садъ и луна всю ночь смотрѣли въ нихъ. И всякій разъ, какъ онъ открывалъ глаза и взглядывалъ на луну, онъ тотчасъ же мысленно произносилъ, какъ одержимый: «Катя!» — и съ такимъ восторгомъ, съ такой болью, что ему самому становилось дико: чѣмъ въ самомъ дѣлѣ могла напомнить ему Катю луна, а вѣдь напомнила же, напомнила чѣмъ-то и, что всего удивительнѣе, даже чѣмъ-го зрительнымъ! А порою онъ просто ничего не видѣлъ: желаніе Кати, воспоминанія о томъ, что было между ними въ Москвѣ, охватывали его съ такой силой, что онъ весь дрожалъ лихорадочной дрожью, стучалъ зубами и молилъ Бога — и, увы, всегда напрасно! — увидать ее вмѣстѣ съ собой, вотъ на этой постели, хоть во снѣ. Однажды зимой онъ былъ съ ней въ Большомъ театрѣ на «Фаустѣ» съ Собиновымъ и Шаляпинымъ. Почему-то въ этотъ вечеръ все казалось ему особенно восхитительнымъ: и свѣтлая, уже знойная и душистая отъ многоподства бездна, зіявшая подъ ними, и красно-бархатные, съ золотомъ, этажи ложъ, переполненные блестящими нарядами, и жемчужное сіяніе надъ этой бездной гигантской люстры, и льющіеся далеко внизу подъ маханье капельмейстера звуки увертюры, то гремящіе, дьявольскіе, то безконечно нѣжные и грустные: «Жилъ, былъ въ Оулѣ добрый король...» Проводивъ послѣ этого спектакля, по крѣпкому морозу лунной ночи, Катю на Кисловку, Митя особенно поздно засидѣлся у нея, особенно изнемогъ отъ поцѣлуевъ и унесъ съ собой шелковую ленту, которой Катя завязы-

вала себѣ на ночь косу. Теперь, въ эти мучительныя майскія ночи, онъ дошелъ до того, что не могъ думать безъ содраганія даже объ этой лентѣ, лежавшей въ двухъ шагахъ отъ него, въ письменномъ столѣ.

А днемъ онъ спалъ, потому уѣзжалъ верхомъ въ то село, гдѣ была желѣзнодорожная станція и почта. Дни продолжали стоять погожіе. Перепадали дожди, пробѣгали грозы и ливни, и опять сіяло жаркое солнце, непрестанно творившее свою спѣшную работу въ садахъ, поляхъ и лѣсахъ. Садъ отцвѣталъ, осыпался, но зато продолжалъ буйно густѣть и темнѣть. Лѣса тонули уже въ несмѣтныхъ цвѣтахъ, въ высокихъ травахъ, и звучная глубина ихъ немолчно звала въ свои зеленыя нѣдра соловьями и кукушками. Уже давно и безслѣдно исчезла дѣвственная, просторная нагота полей — ихъ сплошь покрыли разнообразно богатые всходы хлѣбовъ. И Митя по цѣлымъ днямъ пропадалъ въ этихъ лѣсахъ и поляхъ.

Слишкомъ стыдно стало ему торчать каждое утро на балконѣ или среди двора въ безплодномъ ожиданіи пріѣзда съ почты старосты или работника. Да и не всегда было время у старосты и у работниковъ ѣздить за восемь верстъ за пустяками. И вотъ онъ сталъ ѣздить на почту самъ. Но и самъ онъ неизмѣнно возвращался домой съ однимъ номеромъ орловской газеты или письмомъ Ани, Кости. И муки его стали достигать уже крайняго предѣла. Поля и лѣса, по которымъ ѣхалъ онъ, такъ подавляли его своей красотой, своимъ счастьемъ, что онъ сталъ чувствовать гдѣ-то въ груди боль даже физическую, которая стояла и не проходила, утверждаясь въ немъ какъ бы навсегда. И порою, въ открытомъ полѣ, онъ останавливалъ лошадь, глядѣлъ въ даль на сѣверъ, — туда, въ Москву, — потомъ падалъ на шею лошади и захлебывался отъ слезъ.

Разъ, передъ вечеромъ, онъ ѣхалъ съ почты черезъ пустую сосѣдскую усадьбу, стоявшую въ большомъ и старомъ паркѣ, который сливался съ окружающимъ его

березовымъ лѣсомъ. Онъ ѣхалъ по табельному проспекту, какъ называли мужики главную аллею этой усадьбы. Ее составляли два ряда огромныхъ черныхъ елей. Великолѣбно-мрачная, широкая, вся покрытая толстымъ слоємъ рыжей скользкой хвои, она вела къ старинному дому, стоявшему въ самомъ концѣ ея коридора, почти сходявшагося вдали. Красный, сухой и спокойный свѣтъ солнца, опускавшагося слѣва за паркомъ и лѣсомъ, наискось озарялъ между стволами низъ этого коридора, блестѣлъ по его хвойной золотистой настилкѣ. И такая зачарованная тишина царила крутомъ, — только одни соловьи гремѣли изъ конца въ конецъ парка, — такъ сладко пахло и елями, и жасминомъ, кусты котораго отовсюду обступали домъ, и такое великое — чье-то чужое, давнее — счастье почувствовалось Митѣ во всемъ этомъ и такъ страшно явственно вдругъ представилась ему на огромномъ ветхомъ балконѣ, среди кустовъ жасмина, Катя въ образѣ его молодой жены, что онъ самъ ощутилъ, какъ смертельная блѣдность стягиваетъ его лицо, и твердо сказалъ вслухъ, на всю аллею:

— Если черезъ недѣлю письма не будетъ, — застрѣлюсь!

XVII

На другой день онъ всталъ очень поздно. Послѣ обѣда онъ сидѣлъ на балконѣ, держалъ на колѣняхъ книгу, глядѣлъ на страницы, покрытыя печатью, и туно думалъ:

— Вхать или нѣтъ на почту?

Было совсѣмъ жарко, бѣлыя бабочки парами вились другъ за другомъ надъ горячей травой, надъ стеклянно блестѣвшимъ бересклетомъ. Онъ слѣдилъ за бабочками, сдувалъ со щеки липнувшихъ мухъ и опять спрашивалъ себя:

— Вхать или нѣтъ? Вхать, или разомъ оборвать, послать къ чорту эти постыдныя поѣдки?

Изъ-подъ горы, въ воротахъ, показался верхомъ на жеребцѣ староста. Староста посмотрѣлъ на балконъ и поѣхалъ прямо на него. Подъѣхавъ, онъ остановилъ лошадь и, шурясь, сказалъ:

— Добраго утра. Все читаете?

И усмѣхнулся, оглянулся кругомъ.

— Мамаша снятъ? — спросилъ онъ негромко.

— Думаю, что спитъ, — отвѣтилъ Митя. — А что?

Староста помолчалъ и вдругъ серьезно сказалъ:

— Что-жъ, барчукъ, книжка хороша, да на все время надо знать. Что-жъ вы это монахомъ-то живете? Ай мало бабъ, дѣвокъ?

Митя не отозвался и опустилъ глаза на книгу.

— Ты гдѣ былъ? — спросилъ онъ, не глядя.

— Былъ на почтѣ, — сказалъ староста. — И, конечно, писемъ ни какихъ тамъ нѣту, кромѣ одной газетки.

— Почему-же «конечно»?

— Потому, что, значить, еще пишутъ, не дописали, — отвѣтилъ староста грубо и насмѣшливо, обиженный тѣмъ, что Митя не поддержалъ его разговора. — Пожалуйста получить, — сказалъ онъ, протягивая Митѣ бандерольку, и, тронувъ лошадь, поѣхалъ прочь.

— Застрѣлюсь! — подумалъ Митя твердо, глядя въ книгу и ничего не видя.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ у него ломило въ ляжкахъ, какъ бываетъ это, когда съ какой-нибудь страшной высоты глядишь въ пропасть подъ собою. Ясно было, что староста хотѣлъ предложить ему свести его съ кѣмъ-нибудь...

XVIII

Митя и самъ не могъ не понимать, что нельзя и вообразить себѣ ничего болѣе дикаго, какъ это: застрѣлиться, раздробить себѣ черепъ, сразу оборвать бѣшеніе крѣпкого молодого сердца, оборвать мысль и чувство, оглохнуть,

ослѣпнуть, исчезнуть изъ того несказанно прекраснаго міра, который только теперь впервые весь открылся передъ нимъ, мгновенно и навѣки лишиться всякаго участія въ той самой жизни, гдѣ Катя и наступающее лѣто, гдѣ небо, облака, солнце, теплый вѣтеръ, хлѣба въ поляхъ, сѣла, деревни, дѣвки, мама, усадьба, Аня, Костя, стихи въ старыхъ журналахъ, а гдѣ-то тамъ — Севастополь, Байдарскія ворота, сиреневыя знойныя горы въ сосновыхъ и буковыхъ лѣсахъ, ослѣпительно бѣлое, душное шоссе, сады Ливадіи и Алупки, раскаленный песокъ у сіяющаго моря, загорѣлыя дѣти, загорѣлыя купальщицы — и опять Катя, въ бѣломъ платьѣ, подъ бѣлымъ зонтикомъ, сидящая на галькѣ у самыхъ волнъ, слѣпящихъ своимъ блескомъ, вызывающихъ невольную улыбку безпричиннаго счастья...

Онъ это понималъ, но что-же было ему дѣлать? Какъ и куда вырваться изъ того заколдованнаго круга, гдѣ было тѣмъ мучительнѣе, тѣмъ нестерпимѣе, чѣмъ было лучше? Именно это-то и было непосильно, — то самое счастье, которымъ подавлялъ его міръ и которому недоставало чего-то самаго нужнаго.

Вотъ онъ просыпался утромъ, и первое, что ударяло ему въ глаза, было радостное солнце, первое, что онъ слышалъ, былъ радостный, знакомый съ дѣтства трезвонъ деревенской церкви, тамъ, за росистымъ, полнымъ тѣни и блеска, птицъ и цвѣтовъ садомъ; радостны, милы были даже желтенькія обои на стѣнахъ, все тѣ же, что желтѣли и въ его дѣтствѣ. Но тотчасъ же, восторгомъ и ужасомъ, всю душу пронзала мысль: Катя! Утреннее солнце блистало ея молодостью, свѣжесть сада была ея свѣжестью, все то веселое, игривое, что было въ трезвонѣ колоколовъ, тоже играло красотой, изяществомъ ея образа, дѣдовскія обои требовали, чтобы она раздѣлила съ Митей всю ту родную деревенскую старину, ту жизнь, въ которой жили и умирали здѣсь, въ этой усадьбѣ, въ этомъ домѣ, его отцы и дѣды. И Митя отбрасывалъ прочь одѣяло, вска-

киваль съ постели въ одной рубашкѣ, съ раскрытымъ воротомъ, длинноногій, худой, но все-же крѣпкій, молодой, теплый со сна, быстро выдвигалъ ящикъ письменнаго стола, хваталъ завѣтную фотографическую карточку и впадалъ почти въ столбнякъ, жадно и вопросительно глядя на нее. Вся прелесть, вся грація, все то неизъяснимое, сіяющее и зовущее, что есть въ дѣвичьемъ, женскомъ, существующемъ въ мірѣ, все было въ этой немного змѣиной головкѣ, въ ея прическѣ, въ ея чуть вызывающемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невинномъ взорѣ! Но загадочно и съ несокрушимымъ веселымъ безмолвіемъ сіялъ этотъ взоръ — и гдѣ было взять силъ перенести его, такой близкій и такой далекій, а теперь, можетъ быть, даже и навѣки чужой, открывшій такое несказанное счастье жить и такъ безстыдно и страшно обманувшій?

Такъ начинался для Мити почти каждый день и въ такомъ же мученіи, все въ однихъ и тѣхъ-же мысляхъ, все въ однихъ и тѣхъ-же душу раздирающихъ, дико противоположныхъ чувствахъ, и протекалъ онъ весь.

Въ тотъ вечеръ, когда онъ ѣхалъ съ почты черезъ Шаховское, черезъ эту старинную пустую усадьбу съ черной еловой аллеей, онъ очень точно выразилъ своимъ неожиданнымъ даже для самого себя восклицаніемъ то крайнее изнеможеніе, котораго онъ достигъ. Стоя подъ окномъ почты, глядя съ сѣдна, какъ почтарь напрасно роется въ кучѣ газетъ и писемъ, онъ услышалъ сзади себя шумъ подходящаго къ станціи поѣзда, и этотъ шумъ и запахъ паровознаго дыма потрясъ его счастьемъ воспоминанія о Курскѣмъ вокзалѣ и вообще о Москвѣ. Тлущи по сслу съ почты, въ каждой идущей впереди дѣвкѣ небольшого роста, въ движеніи ея бедеръ онъ съ испугомъ ловилъ что-то Катино. Въ полѣ онъ встрѣтилъ чью-то тройку, — въ тарантасѣ, которую шибко несла она, мелькнули двѣ шляпки, одна дѣвичья, и чуть онъ не вскрикнулъ: Катя! Бѣлые цвѣты на межѣ мгновенно связывались въ немъ съ мыслью объ ея бѣлыхъ перчаткахъ, синія мед-

вѣжьи ушки — съ цвѣтомъ ея вуали... А когда онъ, при заходящемъ солнцѣ, вѣзжалъ въ Шаховское, сухой и сладкій запахъ елей и роскошный бѣлый запахъ жасмина дали ему такое острое чувство лѣта и чьей-то старинной лѣтней жизни въ этой богатой и прекрасной усадьбѣ, что, взглянувъ на красно-золотой вечерній свѣтъ въ аллеѣ, на домъ, стоявшій въ ея глубинѣ, въ всчерѣющей тѣни, онъ вдругъ увидѣлъ Катю, сходящую, во всемъ расцвѣтѣ женской прелести, съ балкона въ садъ, почти совершенно такъ же явственно, какъ видѣлъ домъ и жасминъ. Уже давно потерялъ онъ жизненное представленіе о ней и уже являлась она ему съ каждымъ днемъ все необычнѣе, все преобразеннѣе, — въ этотъ же вечеръ ея преобразеніе достигло такой силы, такой торжествующей побѣдности, что Митя ужаснулся еще болѣе, чѣмъ въ тотъ полдень, когда внезапно закуковала надъ нимъ кукушка. И онъ былъ правъ, воскликнувъ, что жить такъ больше нельзя. Да, нужно было письмо, хоть какое нибудь, или полный отказъ отъ него; нуженъ былъ возвратъ къ обыкновенной человѣческой жизни, къ обыкновенной любви или обычному разрыву; но продолженіе того, до чего онъ дошелъ, было уже невозможно, выше силъ.

XIX

И онъ пересталъ ѣздить на почту, заставилъ себя оборвать эти поѣздки отчаяннымъ, крайнимъ усиліемъ воли. Пересталъ и самъ писать. Вѣдь все уже было испробовано, все написано: и неистовыя увѣренія въ своей любви, такой, какой еще не бывало на землѣ, и унижительныя мольбы объ ея любви или хотя бы о «дружбѣ», и безсовѣстныя выдумки, что онъ боленъ, что онъ пишетъ, лежа въ постели, — съ цѣлью вызвать къ себѣ хоть жалость, хоть какое нибудь вниманіе, — и даже угрожающіе намеки на то, что ему останется,

кажется, одно: избавить Катю и своихъ «болѣе счастливыхъ соперниковъ» отъ своего присутствія на землѣ. И, переставъ писать и домогаться отвѣта, всѣми силами заставляя себя не ждать ничего (а все таки втайнѣ надѣясь, что письмо придетъ именно тогда, когда или обманешь судьбу, очень хорошо прикинувшись равнодушнымъ, или когда въ самомъ дѣлѣ добьешься равнодушія), всячески стараясь не думать о Катѣ, всячески ища спасенія отъ нея, онъ опять сталъ ходить на деревню, сидѣть въ избахъ, читать что подъ руку попадется, ѣздить со старостой по хозяйственнымъ дѣламъ въ сосѣднія села и внутренне безъ устали твердить себѣ: все равно, пусть будетъ что будетъ!

И вотъ, однажды возвращались они со старостой съ хутора, ѣхали на бѣгушкахъ и, какъ всегда, шибко. Оба сидѣли верхомъ, староста впереди, — онъ правиль, а Митя сзади, и оба подскакивали отъ толчковъ, особенно Митя, который крѣпко держался за подушку и глядѣлъ то въ красный затылокъ старосты, то на прыгающія передъ глазами поля. Подѣзжая къ дому, староста опустилъ вожжи, поѣхалъ шагомъ, сталъ вертѣть сигарку и, ухмыляясь въ развернутый кисеть, сказалъ:

— Вотъ вы тогда, барчукъ, обидѣлись на меня, а понапрасну. Развѣ я не правду вамъ говорилъ? Книжка хороша, отчего и не почитать на гулянкахъ, да вѣдь она не уйдетъ, на все время надо знать.

Митя вспыхнулъ и неожиданно для самого себя отвѣтилъ съ притворной простотой и неловкой усмѣшкой:

— Да никого что то нѣту на примѣтѣ...

— Какъ такъ? — сказалъ староста. — Сколько бабъ, дѣвокъ! Это вы, вѣрно, глумитесь надо мной.

— Дѣвки только манять, — отвѣтилъ Митя, стараясь говорить въ тонъ старостѣ. — На дѣвокъ надежда плохая.

— Не манять, а обращенія вы не знаете, — сказалъ староста уже наставительно. — И опять же скупитесь. А сухая ложка ротъ дереть.

«Вполнѣ идиотъ!» — мелькнуло въ головѣ Мити, но онъ еще разъ поддержать тонъ:

— Ничего бы я не сталъ скушиться, будь дѣло цутное и вѣрное...

— А не станете, все и будетъ въ лучшемъ видѣ, — сказалъ староста, закуривая, и продолжалъ какъ бы нѣсколько обиженно: — Миѣ не цѣлковый, не подарокъ вашъ дорогъ, а маѣ хочется удовольствіе вамъ сдѣлать. Гляну, гляну: скучаетъ барчукъ! Нѣтъ, думаю, этого дѣла нельзя такъ оставить. Я своихъ господъ всегда беру въ расчетъ. Я вотъ у васъ второй годъ живу, а ни отъ васъ, ни отъ барыни, слава Богу, плохого слова еще не слыжалъ. Другимъ, къ примѣру, что барская скотина? Сыта — хорошо, нѣтъ — чертъ съ ней. А у меня этого нѣтъ. Миѣ скотина дороже всего. Я и ребятамъ говорю: миѣ, какъ хотите, а что бы у меня скотина сыта была!

Митя уже сталъ думать, что староста выпивши, по староста вдругъ бросилъ обиженно-задушевный тонъ и сказалъ, вопросительно взглянувъ на Митю черезъ плечо:

— Да вотъ чего лучше Аленка? Бабенка ядовитая, молоденькая, мужъ на шахтахъ... Только и ей, конечно, надо какойнибудь пустякъ сунуть. Ну, истратите, скажемъ, на все про все пятерку. Цѣлковый, скажемъ, на угощенье, — возьмете тамъ наливочки какойнибудь, подсолнушка, пряничковъ мятныхъ, — два ей на руки... Ну, миѣ на табачишко скольконибудь...

— За этимъ дѣло не станетъ, — отвѣтилъ Митя, опять противъ собственной воли. — Только про какую Аленку ты говоришь?

— Понятно, про лѣсникову, — сказалъ староста. — Да ай вы ее не знаете? Невѣстка нашего поваго лѣсника. Вы ее, думается, въ прошлое воскресенье въ церкви видѣли... Я тогда прямо же подумалъ: вотъ бы нашему барчуку въ самый разъ! Всего второй годъ замужемъ, ходитъ чисто...

— Ну и что-же, — отвѣтилъ Митя, усмѣхаясь, — ну вотъ и устрой.

— Тогда я, значить, буду стараться, — сказала староста, берясь за вожжи. — И, значить, на дняхъ попытаю ее. А вы и сами пока не дремите. Завтра она у насъ съ дѣвками валъ въ саду опрaвлять будетъ, вотъ вы и приходите въ садъ... А книжка эта никогда не уйдетъ, авось еще въ Москвѣ начитаетесь...

И тронулъ лошадь, и дрожки опять затряслись и запрыгали. Митя крѣпко держался за подушку и, стараясь не глядѣть на красную толстую шею старосты, смотрѣлъ вдаль, черезъ деревья своего сада и лозины деревни, лежащей на скатѣ къ рѣкѣ, къ рѣчнымъ лугамъ. Что-то дико неожиданное, нелѣпое и вмѣстѣ съ тѣмъ такое, отчего по всему тѣлу проходило знобящее томленіе, было уже наполовину сдѣлано. И уже какъ-то по-иному, чѣмъ прежде, торчала передъ нимъ изъ-за вершинъ сада и блестяла крестомъ въ предвечернемъ солнцѣ съ дѣтства знакомая колокольня.

XX

Дѣвки за худобу звали Митю борзымъ, онъ былъ изъ той породы людей съ черными, какъ бы постоянно расширенными глазами, у которыхъ почти не растутъ даже въ зрѣлые годы ни усы, ни борода, — курчавится только нѣчто рѣдкое и жесткое. Однако на другой день послѣ разговора со старостой онъ съ утра побрился и надѣлъ желтую шелковую рубашку, странно и красиво освѣтившую его изможденное и какъ бы вдохновенное лицо.

Въ одинадцатомъ часу онъ медленно, стараясь придать себѣ немного скучающій, отъ нечего дѣлать гулящій видъ, пошелъ въ садъ.

Вышелъ онъ съ главнаго крыльца, обращеннаго на сѣверъ. На сѣверѣ, надъ крышами каретнаго сарая и скотнаго двора и надъ той частью сада, изъ-за которой

всегда глядѣла колокольня, стояла аспидная муть. Да и все было тускло, въ воздухѣ парило и пахло изъ трубы людской. Митя повернулъ за домъ и направился къ липовой аллеѣ, глядя на вершины сада и на небо. Изъ подъ неопредѣленныхъ тучъ, заходящихъ за садомъ, съ юго-востока, дуло слабымъ горячимъ вѣтромъ. Птицы не пѣли и даже соловьи молчали. Одиѣ пчелы во множествѣ беззвучно неслись черезъ садъ со взятки.

Дѣвки, поправляя валъ, работали опять возмѣ ельника, задѣлывали въ валу выбоины, протоптанные скотиной лапы, заваливали ихъ землей и парнымъ, пріятно-вонючемъ навозомъ, который работники отъ времени до времени подвозили со скотнаго двора черезъ аллею, — аллея вся была усыяна влажными и блестящими шмотами. Дѣвокъ было штукъ шесть. Соньки уже не было, — ее таки просватали и теперь она сидѣла дома, кое-что готовя къ свадьбѣ. Было нѣсколько совсѣмъ еще жиденькихъ дѣвчонокъ, старавшихся однако держаться взрослыми и на все готовыми, была толстая, миловидная Анютка, была Глашка, ставшая какъ будто еще суровѣе и мужественнѣе, — и Аленка. И Митя сразу увидѣлъ ее среди деревень, сразу понялъ, что это она, хотя прежде никогда не видалъ ее, и его, какъ молнія, поразило неожиданно и рѣзко ударившее ему въ глаза что-то общее, что было, — или только почудилось ему, — въ Аленкѣ съ Катей. Это было такъ удивительно, что онъ даже пріостановился, на мигъ оторопѣлъ. Потомъ рѣшительно пошелъ прямо на нее, не спуская съ нея глазъ.

Она была тоже не велика, подвижна. Несмотря на то, что она пришла на грязную работу, она была въ хорошенькой (бѣлой съ красными крапинками) ситцевой кофтѣ, подпоясанной чернымъ лакированнымъ поясомъ, въ такой же юбкѣ, въ розовомъ шелковомъ платочкѣ, въ красныхъ шерстяныхъ чулкахъ и въ черныхъ мягкихъ чуняхъ, въ которыхъ (или, вѣрнѣе, во всей ея маленькой легкой ногѣ) было опять таки что-то Катину, то есть жен-

ское прежде всего, но смѣшанное съ чѣмъ-то дѣтскимъ. И головка у нея была невелика и темные глаза стояли и сияли почти такъ же, какъ у Кати. Когда Митя подходилъ, она одна не работала, какъ бы чувствуя свою нѣкую особенность среди прочихъ, стояла на валу, поставивъ правую ногу на вилы и разговаривая со старостой. Староста, облокотясь, лежалъ подъ яблоней на своемъ пиджакѣ съ рваной подкладкой и курилъ. Митя подошелъ — онъ вѣжливо подвинулся на траву, давая ему мѣсто на пиджакѣ.

— Садитесь, Митрій Палычъ, закурьте, — сказалъ онъ дружески и небрежно.

Митя бѣгло, исподтишка глянулъ на Аленку, — очень хорошо освѣщала ея лицо ея розовый платочекъ, — сѣлъ и, опустивъ глаза, сталъ закуривать (онъ много разъ за зиму и весну бросалъ курить, теперь опять закурить). Аленка даже не поклонилась ему, какъ будто и не замѣтила его. Староста продолжалъ говорить ей что-то, чего Митя не понималъ, не зная начала разговора. Она смѣялась, но какъ-то такъ, точно ни умъ, ни сердце ея не участвовали въ этомъ смѣхѣ. Въ каждую фразу староста пренебрежительно и насмѣшливо, своимъ грубымъ голосомъ, вставлялъ похабные намеки. Она отвѣчала ему легко и тоже насмѣшливо, давая ему понять, что онъ въ какихъ-то своихъ намѣреніяхъ на кого-то велъ себя глупо, черезчуръ нахрапомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трусливо, боясь жены.

— Ну, да тебя не перебрешешь, — сказалъ наконецъ староста, прекращая споръ, яко бы въ виду его надѣвшейся бесполезности. — Кабы я не женатый-то былъ, давно бы я тебя, дѣвка, перья обломалъ въ лучшемъ видѣ! Авось еще не такихъ стригунковъ объѣзжали! Ты лучше иди посиди съ нами. Баринъ тебѣ хочуть слово сказать.

Аленка повела глазомъ куда-то въ сторону, подоткнула на височнахъ темныя колечки волосъ и не двинулась съ мѣста.

— Иди, говорю, дура! — сказалъ староста.

И, подумавъ мгновенно, Аленка вдругъ легко соскочила съ вала, подбѣжала и на короточкахъ присѣла въ двухъ шагахъ отъ лежащаго на пиджакѣ Мити, весело и лобоньтно смотря въ лицо ему темными расширенными глазами. Потомъ засмѣялась и спросила:

— А правда, вы, барчукъ, съ бабами не живете? Какъ дѣточекъ какой?

Митя, весь красный, съ неловкой, болѣзненной улыбкой, глядѣлъ на ся подолъ, на ся разставленные колѣнки, и молчалъ, перекусывая травяной стебель.

— А ты почему знаешь, что не живете? — спросилъ староста.

— Да ужъ знаю, — сказала Аленка. — Слышала. Нѣтъ, они не могутъ. У нихъ въ Москвѣ есть, — вдругъ заигравъ глазами, сказала она.

— Подходящихъ для нихъ нѣту, вотъ и не живутъ, — отвѣтилъ староста. — Много ты понимаешь въ ихъ дѣлѣ!

— Какъ нѣту? — сказала Аленка, смѣясь. — Сколько бабъ, дѣвокъ! Вонъ Анютка, — чего лучше? Анютку, поди сюда, дѣло есть! — крикнула она звонко.

Анютка, широкая и мягкая въ синѣ, короткорукая, обернулась, — лицо у нея было очень миловидное, улыбка очень добрая и пріятная, — что-то крикнула въ отвѣтъ пѣвучимъ голосомъ и заработала еще пуще.

— Говорятъ тебѣ, поди! — еще звончѣй повторила Аленка.

— Нечего мнѣ ходить, не заучена я этимъ дѣламъ, — пропѣла Анютка радостно. — Ихъ всего капиталу на меня не хватить.

— Намъ Анютка не нужна, намъ надо почище, по-благороднѣе, — наставительно сказалъ староста. — Мы сами знаемъ, кого намъ надо.

И очень выразительно посмотрѣлъ на Аленку. Она слегка смутилась, чуть-чуть покраснѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтила она, скрывая сму-

щеніе улыбкой, — лучше Анютки не найдете. А не хотите Анютку, — Настьку, она тоже чисто ходитъ, въ городѣ жила...

— Ну будетъ, молчи, — неожиданно грубо сказалъ староста. — Занимайся своимъ дѣломъ, побрехала и будетъ. Меня и такъ барыня ругаютъ, говорятъ, онѣ у тебя только ахальничаютъ...

Аленка вскочила — и опять съ необыкновенной легкостью — и взялась за вилы. Но работникъ, свалившій въ это время послѣднюю телѣгу навоза, крикнулъ: «завтракать!» — и, задергавъ вожжами, бойко загремѣлъ внизъ по аллеѣ пустымъ телѣжнымъ ящикомъ.

— Завтракать, завтракать! — на разные голоса закричали и дѣвки, бросая лопаты и вилы, перескакивая черезъ валь, соскакивая съ него, мелькая голыми ногами и разноцвѣтными чулками и сбѣгаясь подъ ельникъ къ своимъ узелкамъ.

Староста покосился на Митю, подмигнувъ ему, желая сказать, что дѣло идетъ и, приподнимаясь, начальственно согласился:

— Ну, завтракать такъ завтракать...

Дѣвки, шестрѣя подъ темной стѣнной елою, весело и какъ попало разсѣлись на травѣ, стали развязывать узелки, вынимать лепешки и раскладывать ихъ на подолы между прямо лежащихъ ногъ, стали жевать, заливая изъ бутылочекъ кто молокомъ, кто квасомъ и продолжая громко и беспорядочно говорить, хохоча каждому слову и поминутно взглядывая на Митю любопытными и вызывающими глазами. Аленка, наклонясь къ Анюткѣ, что-то сказала ей на ухо. Анютка, не сдержавъ очаровательной улыбки, съ страшной силой оттолкнула ее (Аленка, давась смѣхомъ, повалилась головой къ себѣ на колѣни) и съ притворнымъ возмущеніемъ крикнула на весь ельникъ своимъ гнѣвнымъ голосомъ:

— Дура! Чего гогочешь безъ дѣла? Какая радость?

— Пойдемте отъ грѣха, Митрій Палычъ, — сказала староста, — ишь, ихъ черти разбирають!

— Барчукъ! — закричала Аленка въ догонку Митѣ: — не выйдетъ съ Анюткой ваша симпатія! Вы какъ дьячокъ, а у ней какъ у пятилѣточки!

XXI

На дворѣ сально и чадно пахло изъ трубы людской, въ людской обѣдали, собаки, виляя хвостами, искательно и подобострастно стояли подъ ея окнами. Деревня на томъ боку, за лугами, за рѣчкой, скучно сѣрѣла. Все было какъ-то особенно буднично, — бываютъ такіе особенно будничные дни. Въ воздухѣ было все также тускло, въ небѣ все тѣ-же неопредѣленные облака и тучки, съ юга все также слабо и горячо дуло.

Войдя въ домъ, Митя прошелъ къ себѣ и легъ лицомъ въ подушку. Онъ зналъ, онъ представлялъ себѣ: позавтракавъ, дѣвчѣ тотчасъ улягутся спать въ теплой духотѣ подъ елками, завернувъ подошлы и закрывшись ими съ головой, поджавъ босыя и въ чунькахъ ноги... Ляжетъ и Аленка... При мысли о возможности обладанія ею, — а теперь эта возможность уже вполне опредѣлилась, была несомнѣнна, — у него прерывисто замирало сердце.

— Что-же это такое? Что-же это такое? — спрашивалъ онъ себя. — Неужели я уже влюбился въ нее? А Катя? Какой вздоръ, будто она похожа на Катю!

Катя была сама по себѣ, совсѣмъ въ другомъ, небудничномъ мѣрѣ, и все таки къ горлу подступали слезы острой нѣжности и жалости къ ней. Онъ поднялъ голову. Вѣтеръ за окномъ мягко волновалъ густую и еще мягкую, нѣжную зелень сада, его вершинъ, вѣтви медленно мотались, клонились, и въ нихъ еще были остатки весны, Кати. Онъ вскочилъ, сѣлъ, желтая рубаха, испугъ и изумленіе озарили его блѣдное лицо:

— Нѣтъ, пошлю телеграмму, поѣду въ Москву! — иступленно мелькнуло у него въ головѣ. — Вдругъ все это вздоръ? Вдругъ просто пропало письмо, просто она чѣмъ-нибудь захворала, простудилась, лежала нѣсколько дней въ постели? Да мало-ли, мало-ли что!

Но тутъ неслышно, босыми ногами вошла Параша, подала ему газету и открытку, сказала «кушать пожалуйста» и вышла.

Открытка была отъ Протасова:

«Дорогой мой Рыцарь Печальнаго Образа, прости за свинское молчаніе въ отвѣтъ на всѣ твои письма, причина сего, увы, крайне проста: зубрежка и полное отсутствіе новостей, достойныхъ твоего просвѣщеннаго вниманія... К. нѣсколько разъ видѣлъ, — она въ настроеніи что-то довольно кислое. На-дняхъ, передъ отбытіемъ къ роднымъ пенатамъ, напишу пространнѣе...»

Митя, стиснувъ зубы и сразу зло повеселѣвъ, бросилъ открытку на письменный столъ и рѣшительными шагами пошелъ обѣдать.

XXII

На другой день въ саду не работали, былъ праздникъ, воскресенье.

Ночью лилъ дождь, мокро шумѣло по крышѣ, садъ то и дѣло блѣдно, но широко, сказочно озарялся. Къ утру однако погода опять разгулялась, опять все стало просто и благополучно, и Митю разбудилъ веселый, солнечный трезвонъ колоколовъ.

Онъ не спѣша умылся, одѣлся, выпилъ стаканъ чаю и пошелъ къ обѣднѣ. «Мама ужъ ушла, ласково упрекнула его Параша, а вы какъ татаринъ какой...»

Въ церковь можно было пройти или по выгону, выйдя изъ воротъ усадьбы и свернувъ направо, или черезъ садъ, по главной аллеѣ, а потомъ по дорогѣ между садомъ и гумномъ, налево. Митя пошелъ черезъ садъ.

Все было уже совѣтъ по лѣтнему. Митя шель по аллеѣ прямо на солнце, сухо блестящее на гумнѣ и въ полѣ. И этотъ блескъ и трезвонъ колоколовъ, какъ-то очень хорошо и мирно сливавшійся съ нимъ и вообще со всѣмъ этимъ деревенскимъ утромъ, и то, что Митя только что вымылся, причесалъ свои мокрые, глянцевиые черные волосы и надѣлъ студенческой картузь, — все вдругъ показалось такъ хорошо, что Митю, опять не спавшаго всю ночь и опять прошедшаго ночью черезъ множество самыхъ разнородныхъ мыслей и чувствъ, вдругъ охватила надежда на какое-то счастливое разрѣшеніе всѣхъ его терзаній, на спасеніе, освобожденіе отъ нихъ. Колокола играли и звали, гумно впереди жарко блестяло, дятель, пріостанавливаясь, приподнимая хохолокъ, быстро бѣжалъ вверхъ по корявому стволу липы въ ея свѣтло-зеленую, солнечную вершину, бархатные черно-красные имели заботливо зарывались въ цвѣты на полянахъ, на припекѣ, птицы заливались по всему саду сладко и беззаботно... Все было, какъ бывало много, много разъ въ дѣтствѣ, въ отрочествѣ, и такъ живо вспомнилось все прелестное, беззаботное прежнее время, что вдругъ явилась увѣренность, что Богъ милостивъ, что, можетъ быть, можно прожить на свѣтѣ и безъ Кати. И Митя представилъ себѣ, какъ онъ, молодой барчукъ, возбуждая всеобщее вниманіе, черезъ минуту поднимется съ обнаженной головой на прохладную панерть, а потомъ вступитъ въ жаркую, тѣсную, по лѣтнему солнечную церковь, въ толпу разряженныхъ бабъ и дѣвокъ, пахнувшихъ новымъ ситцемъ, увидитъ дрожація въ густомъ воздухѣ золотыя точки свѣчей, услышитъ, какъ весело и въ разной деруть на клиросѣ...

— Въ самомъ дѣлѣ, поѣду къ Мещерскимъ, — подумалъ онъ, представивъ себѣ, что у церковной ограды, можетъ быть, стоитъ сейчасъ и погромыхиваетъ бубенцами чья-нибудь тройка въ праздничной сбруѣ, съ куче-

ромъ въ безрукавномъ плисовомъ кафтанѣ и въ шляпѣ съ перьями.

Онъ даже съ какимъ-то особымъ, жениховскимъ чувствомъ подумалъ о старшей изъ Мещерскихъ барышень... У нея къ нему давно что-то есть... Всегда она въ обращеніи съ нимъ какъ-то неловлива, благосклонно-насмѣшлива, всегда имѣеть такой видъ, точно она — только она одна — что-то знаетъ за нимъ... И считается красавицей, высока, величава... Великолѣпная коса и великолѣпная женственность въ большихъ стройныхъ бедрахъ, въ стройно и прямо падающихъ лиціяхъ юбки...

Но тутъ Митя поднялъ глаза — и въ двадцати шагахъ отъ себя увидалъ какъ разъ въ этотъ моментъ проходившую мимо воротъ Аленку. Она опять была въ шелковомъ розовомъ платочкѣ, въ голубомъ нарядномъ платьѣ съ оборками, въ новыхъ башмакахъ съ подковками. Она, виляя задомъ, быстро шла, не видя его, и онъ порывисто подался въ сторону, за деревья.

Давъ ей скрыться, онъ, съ бьющимся сердцемъ, поспѣшно пошелъ назадъ, къ дому. Онъ вдругъ понялъ и то, что пошелъ въ церковь съ тайной цѣлью увидѣть ее, и то, что видѣть ее въ церкви нельзя, не надо.

XXIII

Во время обѣда нарочный со станціи привезъ телеграмму — Аня и Костя извѣщали, что будутъ послѣ завтра, во вторникъ вечеромъ. Митя отнесся къ этому совершенно равнодушно.

Послѣ обѣда онъ навзничъ лежалъ на плетеномъ диванѣ на балконѣ, закрывъ глаза, чувствуя доходящее до балкона жаркое солнце, слушая лѣтнее жужжанье мухъ. Сердце дрожало, въ головѣ стоялъ неразрѣшимый вопросъ: а какъ же дальше дѣло съ Аленкой? Когда же оно рѣшится окончательно? Почему староста не спросилъ

ее вчера прямо: согласна ли она и, если да, то гдѣ и когда? А рядомъ съ этимъ мучилъ другой вопросъ: слѣдуетъ или нѣтъ нарушить свое твердое рѣшеніе не ѣздить больше на почту? Не съѣздить-ли нынче еще разъ, послѣдній? Новое и бессмысленное издѣвательство надъ своимъ собственнымъ самолюбіемъ? Новое и бессмысленное терзаніе себя жалкой надеждой? Но что можетъ теперь прибавить эта поѣздка (въ сущности, простая прогулка) къ его терзаніямъ? Развѣ теперь не совершенно очевидно, что тамъ, въ Москвѣ, для него все и на-вѣки кончено? Что ему вообще теперь терять? Ему сроку осталось недѣля! Сумѣетъ онъ за эту недѣлю спасти себя тѣмъ или инымъ способомъ (силой воли или хотя бы вотъ этой Аленкой) — хорошо, нѣтъ — такъ тому и быть...

— Барчукъ! — раздавался вдругъ негромкій голосъ возлѣ балкона. — Барчукъ, вы спите?

Онъ быстро открылъ глаза. Передъ нимъ стоялъ староста въ новой ситцевой рубахѣ, въ новомъ картузѣ. Лицо у него было праздничное, сытое и слегка сонное, хмѣльное.

— Барчукъ, ѣдьте скорѣй въ лѣсъ, — зашенталъ онъ. — Я барынѣ сказалъ, что мнѣ нужно повидаться съ Трифономъ на счетъ пчель. ѣдьте скорѣй, пока онѣ почиваютъ, а то ну-ка проснутся и отдумаютъ... Захватимъ чего-нибудь угостить Трифона, онъ захмѣлѣетъ, вы его заговорите, а я исхитрюсь шепнуть словечко Аленкѣ. Что-жъ въ самомъ дѣлѣ тянуть: такъ, такъ такъ, а не такъ — къ чертямъ, и получше найдемъ. Выходите скорѣй, я ужъ запрегъ...

Митя вскочилъ, пробѣжалъ лакейскую, схватилъ картузъ и быстро пошелъ къ каретному сараю, гдѣ стоялъ запряженный въ бѣговья дрожки молодой горячій жеребчикъ.

XXIV

Жеребчикъ взялъ прямо-же съ мѣста и вихремъ вынесъ за ворота. Противъ церкви на минуту остановились возлѣ лавки, взяли фунтъ сала и бутылку водки и понеслись дальше.

Мелькнула изба на выѣздѣ, у которой стояла наряженная и не знавшая, что дѣлать, Анютка. Староста въ шутку, но грубо крикнулъ ей что-то и съ хмѣльнымъ, бессмысленнымъ и злымъ удалствомъ крѣпко передернулъ вожжами, хлестнулъ ими по крупу жеребчика. Жеребчикъ еще надалѣ.

Митя, сидя и подскакивая, держался изо всѣхъ силъ. Въ затылокъ ему пріятно пекло, въ лицо тепло дуло полевымъ жаромъ, пахнувшимъ уже зацвѣтающей рожью, дорожной пылью, колесной мазью. Рожь ходила, отливала серебристо-сѣрой, точно какой-то чудесный мѣхъ, зыбью, надъ ней поминутно взвивались, пѣли, косо неслись и падали жаворонки, далеко впереди мягко синѣлъ лѣсъ...

Черезъ четверть часа были уже въ лѣсу и все также быстро, стучаясь о пни и корни, помчались по его тѣнистой дорогѣ, радостной отъ солнечныхъ пятенъ и несмѣтныхъ цвѣтовъ въ густой и высокой травѣ по сторонамъ. Аленка, въ своемъ голубомъ платьѣ, прямо и ровно положивъ ноги въ полсапожкахъ, сидѣла въ распускающихся возлѣ караулки дубкахъ и вышивала что-то. Староста пролетѣлъ мимо нея, погрозивъ ей кнутомъ, и срыву осадилъ у порога. Митю поразилъ горькій и свѣжій аромат лѣса, молодой дубовой листвы, оглушилъ звонкій лай собаченокъ, окружившихъ дрожки и наполнившихъ весь лѣсъ отъликами. Онѣ стояли и яростно заливались на всѣ лады, а мохнатая морда ихъ была добры и хвосты виляли.

Слѣзали, привязали жеребчика къ сухому, опаленному

грозою деревцу подь окнами и не спѣша вошли черезъ темныя сѣни.

Въ караулѣ было очень чисто, очень уютно и очень тѣсно, жарко и отъ солнца, свѣтившаго изъ-за лѣса въ оба ея окошечка, и оттого, что была натоплена печь, — утромъ пекли ситники. Ѳедосья, свекровь Алснки, зубастая, но чистенькая и благообразная на видъ старушка, сидѣла за столомъ, спиной къ солнечному, усыпанному мелкими мушками окошечку, поставивъ локоть правой руки въ ладонь лѣвой, а въ правую ладонь положивъ щеку. Увидавъ барчука, она встала и низко поклонилась. Поздоровавшись, сѣли и стали закуривать.

— А гдѣ-жъ Трифонъ? — спросилъ староста.

— Отдыхаетъ въ клѣти, — сказала Ѳедосья: — я сейчасъ пойду его покличу.

— Идетъ дѣло! — шепнулъ староста, моргнувъ обоими глазами, какъ только она вышла.

Но никакого дѣла Митя покуда не видѣлъ. Покуда было только нестерпимо холодно, — казалось, что Ѳедосья уже отлично понимаетъ, зачѣмъ они пріѣхали, — и вообще тяжело и тревожно. Опять мелькала ужасавшая уже третій день мысль: «Что я дѣлаю? Я съ ума схожу!» Онъ чувствовалъ себя лунатикомъ, покореннымъ чьей-то посторонней волей, все быстрѣе и быстрѣе идущимъ къ какой-то роковой, но неотразимо влекущей пропасти, или же человѣкомъ, отчаянно согласившимся на какую-то будто бы совершенно необходимую, будто бы единственно спасительную, страшную операцію. Но, стараясь имѣть простой и спокойный видъ, онъ сидѣлъ, курилъ, осматривалъ караулку... Особенно стыдно было при мысли, что сейчасъ войдетъ Трифонъ, мужикъ, какъ говорятъ, злой, умный, который сразу все пойметъ еще лучше Ѳедосьи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ была и другая мысль: «А гдѣ-же она спитъ? Вотъ на этихъ нарахъ или въ клѣти?» Конечно, въ клѣти, подумалъ онъ. Лѣтняя ночь въ лѣсу, окошечки въ клѣти безъ рамы, безъ стеколъ, и всю ночь слышенъ

дремотный лѣсной шопоть, а она спить одна, совсѣмь одна... «О, Катя, Катя! О, что ты дѣлаешь!» — безъ словъ подумалъ онъ съ ужасомъ.

XXV

Федосья черезъ минуту вернулась, сказала, что Трифонъ идетъ, и тотчасъ же обратилась къ старостѣ:

— А хорошъ ты, сударь, — какія плетушки плетешь про нашу Алену на селѣ!

Староста сдѣлалъ изумленные глаза, сталъ оправдываться. И загорѣлся безтолковый, непонятный для Мити разговоръ. Изъ словъ Федосьи можно было уловить только нѣчто похожее на то, что староста будто бы предлагалъ какому-то конторщику «подвести» ему Аленку и самъ же разбрехалъ объ этомъ на селѣ, и даже больше того, распустилъ слухъ, что она уже живетъ съ конторщикомъ. Вдругъ послышались шаги за дверью — и Федосья и староста мгновенно смолкли.

Трифонъ вошелъ и тоже низко поклонился Митѣ, но молча, не взглянувъ ему въ глаза. Потомъ сѣлъ на скамейку передъ столомъ и сухо и непріязненно заговорилъ со старостой: въ чемъ дѣло, зачѣмъ пожаловалъ? Староста посиѣщилъ сказать, что его прислала барыня, что она просить Трифона придти посмотрѣть пасѣку, что ихній пасѣчникъ старый, глухой дуракъ, а что онъ, Трифонъ, можетъ, первый пчеловодъ во всей губерніи по своему уму и понятію, — и немедля вытащилъ изъ одного кармана штановъ бутылку водки, а изъ другого сало въ шершавой сѣрой бумагѣ, уже насквозь промаслившейся. Трифонъ холодно и насмѣшливо покосился, однако поднялся съ мѣста и досталъ съ полки чайную чашку. Староста поднесъ сперва Митѣ, потомъ Трифону, потомъ Федосьѣ, — она съ удовольствіемъ вытянула чашку до доньшка, — и наконецъ налилъ себѣ. Выпивъ, онъ тот-

часть же сталъ обносить по второй, жуя ситникъ и раздвывая ноздри.

Трифопъ довольно быстро захмѣлѣлъ, однако не потерялъ своей сухости и непріязненной насмѣшливости. Староста тяжко отупѣлъ послѣ второй же чашки. Разговоръ принялъ по внѣшности характеръ дружескій, но глаза у обоихъ были недовѣрчивые, злобные. Федосья сидѣла молча, смотрѣла вѣжливо, но недовольно. Аленька не показывалась. Потерявъ всякую надежду, что она придетъ, ясно видя, что это совершенно дурацкая мечта — разсчитывать теперь на то, что старостѣ удастся шеннуть ей «словечко», если бы она даже и пришла, вполне вообще убѣдившись, что побѣдка пропала даромъ, принесла только позоръ, отвратительныя мученія, — староста просто напился и напоилъ съ какими-то своими цѣлями Трифона на его, Митинъ, счетъ, — Митя поднялся и строго сказалъ, что пора ѣхать.

— Сейчасъ, сейчасъ, уснѣется! — хмуро и нагло отозвался староста. — Миѣ еще надо вамъ словечко по секрету сказать.

— Ну вотъ дорогой и скажешь, — сказалъ сдержанно, но еще строже Митя. — Ёдемъ.

Но староста хлопнулъ ладонью по столу и съ пьяной загадочностью повторилъ:

— А я вамъ говорю, что дорогой этого нельзя говорить! Выйдите ко миѣ на минутку...

И тяжко поднявшись съ мѣста, распахнулъ дверь въ сѣнцы.

Митя вышелъ за нимъ

— Ну въ чемъ дѣло?

— Молчите! — прошепталъ староста, притворяя за Митей дверь, шатаясь, сонно глядя на него и дыша водкой.

— Объ чемъ молчать?

— Молчите!

— Я тебя не понимаю.

— Молчите! Наша будетъ! Вѣрное слово!

Митя оттолкнулъ его, вышелъ изъ сѣней и остановился на порогѣ, не зная, что дѣлать: подождать еще немного или уѣхать одному, а не то просто уйти пѣшкомъ?

Въ десяти шагахъ отъ него стоялъ густой зеленый лѣсъ, уже въ вечерней тѣни и оттого еще болѣе свѣжій, чистый и прекрасный. Чистое, погѣе солнце заходило за его вершины, сквозь нихъ лучисто сыпалось его червонное золото. И вдругъ гулко раздался и прокатился въ глубинѣ лѣса, гдѣ-то, какъ показалось, далеко на той сторонѣ, за оврагами, женскій пѣвучій голосъ, и такъ призывно, такъ очаровательно, какъ звучить онъ только въ лѣсу, по лѣтней вечерней зарѣ.

— Ау! — протяжно крикнулъ этотъ голосъ, видимо, забавляясь лѣсными откликами. — Ау!

Митя соскочилъ съ порога и побѣжалъ по цвѣтамъ и травамъ въ лѣсъ. Лѣсъ спускался въ каменистый оврагъ. Въ оврагѣ стояла и ѣла баранчики Аленка. Митя надбѣжалъ надъ обрывъ и остановился. Она снизу глядѣла на него удивленными глазами.

— Что ты тутъ дѣлаешь? — спросилъ Митя негромко, задохнувшись отъ сердцебиенія.

— Маруську нашу съ коровой ишу. А что? — отвѣтила она тоже негромко.

— Что жъ, придешь, что-ли?

— Что-жъ мнѣ даромъ ходить? — сказала она. — На поденщину, и то за деньги ходять.

— Кто-жъ тебѣ сказалъ, что даромъ? — спросилъ Митя уже почти шепотомъ. — Объ этомъ не безпокойся

— А когда? — спросила Аленка.

— Да завтра... Ты когда можешь?

Аленка подумала.

— Я завтра пойду къ матери овцу стричь, — сказала она, помолчавъ, осторожно оглядывая лѣсъ на бургѣ за Митей. — Вечеромъ, какъ стемнѣтъ, и приду. А куда? На гумно нельзя, зайдетъ кто-нибудь... Хотите, въ салашъ въ лощинѣ у васъ въ саду? Только вы смотрите, не обма-

ните, — даромъ я не согласна... Это вамъ не Москва, — сказала она, засмѣявшимися глазами глядя на него снизу: — тамъ, говорятъ, бабы сами платятъ...

XXVI

Возвращались безобразно.

Трифонъ не остался въ долгу, поставилъ и съ своей стороны бутылку, и староста такъ напился, что несразу сълъ на дрожки, сперва упалъ на нихъ, а испуганный жеребчикъ рванулся и чуть не ускакалъ одинъ. Но Митя молчалъ, смотрѣлъ на старосту безчувственно, ждалъ, пока онъ усядется, терпѣливо. Староста опять гналъ съ нелѣпой яростью. Митя молчалъ, крѣпко держался, смотрѣлъ на вечернее небо, на поля, быстро дрожавшія и прыгавшія передъ нимъ. Надъ полями къ закату догѣвали свои кроткія пѣсни жаворонки, на востокѣ, уже посинѣвшемъ къ ночи, вспыхивали тѣ дальнія, мирныя зарницы, которыя ничего не обѣщаютъ, кромѣ хорошей погоды. Митя понималъ всю эту вечернюю прелесть, но теперь она была совсѣмъ чужой ему. Въ мысляхъ, въ душѣ стояло одно: завтра вечеромъ!

Дома его ожидало извѣстіе, что получено письмо, подтверждающее, что Аня и Кости будутъ завтра, съ вечернимъ поѣздомъ. Онъ ужаснулся, — пріѣдутъ, побѣгутъ вечеромъ въ садъ, могутъ побѣжать къ шалашу, въ лощину... Но тотчасъ же вспомнилъ, что со станціи ихъ привезутъ не раньше девятого часа, потомъ будутъ кормить, поить часемъ...

— Ты поѣдешь встрѣчать?—спросила Ольга Петровна.

Онъ почувствовалъ, что блѣднѣетъ.

— Нѣтъ, не думаю... Миѣ что-то не хочется... Да и сѣсть негдѣ...

— Ну, положимъ, ты бы могъ верхомъ поѣхать...

— Да нѣтъ, не знаю... Собственно, зачѣмъ? Сейчасъ по крайпшй мѣрѣ не хочется...

Ольга Петровна пристально посмотрѣла на него.

— Ты здоровъ?

— Совершенно, — сказалъ Митя почти грубо. — Я только спать очень хочу...

И тотчасъ же ушелъ къ себѣ, легъ въ темнотѣ на диванъ и заснулъ, не раздѣваясь.

Ночью онъ услыхалъ отдаленную, медлительную музыку и увидаль себя висающимъ надъ огромной, слабо освѣщенной пропастью. Она все свѣтлѣла и свѣтлѣла, становилась все бездоннѣе, все золотистѣй, все ярче, все многолюднѣе, радостнѣй — и уже совсѣмъ отчетливо, съ несказанной грустью и нѣжностью, зазвучало и заплѣло въ ней: «Жиль, былъ въ Оулѣ добрый король...» Онъ затрепеталъ отъ умиленія, повернулся на другой бокъ и опять заснулъ.

XXVII

День казался безконечнымъ.

Митя какъ деревянный выходилъ къ чаю, къ обѣду, потомъ опять шелъ къ себѣ и опять ложился, бралъ съ письменнаго стола уже давно валявшійся на немъ томъ Писемскаго, читалъ, не понимая ни слова, подолгу смотрѣлъ въ потолокъ, слушалъ ровный, лѣтній, атласный шумъ солнечнаго сада за окномъ... Разъ онъ всталъ и пошелъ въ библіотеку чтобы перемѣнить книгу. Но эта прелестная своей стариной, своимъ спокойствіемъ, видомъ изъ одного окна на завѣтный клень, а изъ другихъ на свѣтлое западное небо комната такъ остро напомнила ему тѣ весенніе (теперь ужъ безконечно далекіе) дни, когда онъ сидѣлъ въ ней, читая стихи въ старыхъ журналахъ, и показалась такой Катиной, что онъ повернулся и быстро пошелъ назадъ. «Къ чорту! — подумалъ онъ,

съ раздраженіемъ. — Византійскіе глаза, Рыцарь Печальнаго Образа! Къ чорту весь этотъ поэтический трагизмъ любви!»

Онъ съ возмущеніемъ вспомнилъ свое намѣреніе застрѣлиться, если не будетъ письма отъ Кати, и опять легъ и опять взялся за Писемскаго. Но по прежнему онъ ничего не понималъ, читая, а порою, глядя въ книгу и думая объ Аленькѣ, представляя себѣ ея тѣло, весь начиналъ дрожать отъ все растущей дрожи въ животѣ. И чѣмъ ближе подходилъ вечеръ, тѣмъ все чаще охватывала, била дрожь. Голоса и шаги по дому, голоса на дворѣ, — уже запрягали тарантасъ на станцію, — все раздавалось такъ, какъ во время болѣзни, когда лежишь одинъ, а вокругъ течетъ обычная будничная жизнь, равнодушная къ тебѣ и потому чуждая, даже враждебная. Наконецъ гдѣ-то крикнула Параша: «Барыня, лошади готовы!» — послышалось сухое бормотаніе бубенчиковъ, потомъ топотъ копытъ, шорохъ подкатывающаго къ крыльцу тарантаса... «Ахъ, да когда же все это кончится!» — пробормоталъ Митя виѣ себя отъ нетерпѣнія, не двигаясь, но жадно слушая голосъ Ольги Петровны, отдававшей въ лакейской послѣднія приказанія. Вдругъ бубенчики опять забормотали и, бормоча все слитнѣе подъ звуки покотившагося подъ гору экипажа, стали глхнуть...

Быстро вставъ съ мѣста, Митя вышелъ въ залъ. Въ залѣ было пусто и свѣтло отъ яснаго желтоватаго заката. Во всемъ домѣ было пусто и какъ-то странно пусто! Со страннымъ, какъ-бы прощальнымъ чувствомъ Митя взглянулъ въ пролетъ растворенныхъ молчаливыхъ комнатъ — въ гостинную, въ диваную, въ библіотеку, въ окно которой по вечернему синѣлъ южный небосклонъ, зеленѣла живописная вершина клена и розовой точкой стоялъ надъ ней Антаресъ... Потомъ заглянулъ въ лакейскую, пѣтъ ли тамъ Параша. Убѣдившись, что и тамъ пусто, онъ схватилъ съ вѣшалки картузь, пробѣжалъ назадъ, въ свою комнату и выскочилъ въ окно, далеко выкинувъ на цвѣт-

никъ свои длинныя ноги. На цвѣтникѣ онъ на мгновеніе замеръ, потомъ, согнувшись, перебѣжалъ въ садъ и тотчасъ же вильнулъ въ глухую боковую аллею, густо заросшую кустами акаціи и сирени.

XXVIII

Росы не было, не могли быть поэтому особенно слышны запахи вечерняго сада. Но Митѣ, при всей безсознательности всѣхъ его дѣйствій въ этотъ вечеръ, все же показалось, что онъ еще никогда въ жизни, — за исключеніемъ, можетъ быть, ранняго дѣтства, — не встрѣчалъ такой силы и такого разнообразія запаховъ, какъ теперъ. Все пахло — кусты акаціи, листья сирени, листья смородины, лопухи, чернобильникъ, цвѣты, трава и сама земля, — съ живою почти неестественной.

Быстро сдѣлавъ нѣсколько шаговъ съ жуткой мыслью: «а вдругъ она обманетъ, не придетъ?» — теперъ казалось, что вся жизнь зависитъ отъ того, придетъ или не придетъ Аленька, — уловивъ среди запаховъ растительности еще и запахъ вечерняго дыма откуда-то съ деревни, Митя еще разъ остановился, обернулся на мгновеніе: вечерній жукъ медленно плылъ и гудѣлъ гдѣ-то возлѣ него, точно сѣя тишину, успокоеніе и сумерки, но еще свѣтло было отъ зари, охватившей полнеба своимъ ровнымъ, долго не гаснущимъ свѣтомъ первыхъ лѣтнихъ зорь, а надъ крышей дома, кое-гдѣ видной изъ-за деревьевъ, высокой блестялъ въ прозрачной небесной пустотѣ крутой и острый серпокъ только что народившагося мѣсяца. Митя глянулъ на него, быстро и мелко перекрестился подъ ложечкой и шагнулъ въ кусты акаціи. Аллея вела въ лощину, но не къ шалашу, — къ нему надо было идти наискось, взять лѣвѣе. И Митя, шагнувъ черезъ кусты, побѣжалъ цѣликомъ, среди широко распростертыхъ яблонныхъ вѣтвей, то нагибаясь, то

отстраняя ихъ отъ себя. Черезъ минуту онъ уже брыль на условленномъ мѣстѣ.

Онъ со страхомъ сунулся въ шалашъ, въ его темноту, пахнущую сухой прѣлой соломой, зорко оглянувъ его и почти съ радостью убѣдился, что тамъ еще никого нѣтъ. Но роковой мигъ близился, и онъ сталъ возлѣ шалаша, весь превратись въ чуткость, въ напряженнѣйшее вниманіе. Весь день почти ни на минуту не оставляло его необыкновенное тѣлесное возбужденіе. Теперь оно достигло вышей силы. Но странно — какъ днемъ, такъ и теперь, оно было какое-то самостоятельное, не проникало его всего, владѣло только тѣломъ, не захватывая души. Сердце однако билось страшно. А кругомъ было такъ поразительно тихо, что онъ слышалъ только одно — это біеніе. Беззвучно, неустанно вились, крутились мягкіе безцвѣтные мотыльки въ вѣтвяхъ, въ сѣрой листьѣ яблонь, разнообразно и узорно рисовавшихся на вечернемъ небѣ, и отъ этихъ мотыльковъ тишина казалась еще тише, точно мотыльки ворожили и завораживали ее. Вдругъ гдѣ-то сзади него что-то хрустнуло — и звукъ этотъ какъ громъ поразилъ его. Онъ порывисто обернулся, глянулъ межъ деревьевъ по направленію къ валу — и увидалъ, что подъ сучьями яблонь катится на него что-то черное. Но еще не успѣлъ онъ сообразить, задать себѣ вопросъ, что это такое, какъ это темное, набѣжавъ на него, сдѣлало какое-то широкое движеніе — и оказалось Аленкой.

Она откинула, сбросила съ головы подолъ короткой юбки изъ черной самотканной шерсти, и онъ увидалъ ея испуганное и сіяющее улыбкой лицо. Она была боса, въ одной юбкѣ и въ простой суровой рубахѣ, заправленной въ юбку. Подъ рубахой стояли ея дѣвичьи груди. Широко вырѣзанный воротъ открывалъ ея шею и часть плечей, а засученные выше локтя рукава — округлыя руки. И все въ ней, отъ небольшой головки, покрытой желтымъ платочкомъ, и до маленькихъ босыхъ ногъ,

женскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтскихъ, было такъ хорошо, такъ ловко, такъ плѣнительно, что Митя, видѣвшій ее до сихъ поръ только наряженной, впервые увидавшій ее во всей прелести этой простоты, внутренне ахнулъ.

— Ну, скорѣе что-ли, — весело и воровски прошептала она и, оглянувшись, нырнула въ шалашъ, въ его пахучій сумракъ.

Тамъ она приостановилась, а Митя, стиснувъ зубы, чтобы удержать ихъ стукъ, поспѣшилъ запустить руку въ карманъ — ноги его были напряжены, тверды, какъ желѣзо, — и сунулъ ей въ ладонь смятую пятирублевку. Она быстро спрятала ее за пазуху и сѣла на землю. Митя сѣлъ возлѣ нея и обнялъ ее за шею, не зная, что дѣлать, — надо ли цѣловать или нѣтъ. Запахъ ея платка, волосъ, луковый запахъ всего ея тѣла, смѣшанный съ запахомъ избы, дыма — все было до головокруженія хорошо, и Митя понималъ, чувствовалъ это. И все таки было все то же, что и раньше: страшная сила желанія, не переходящая въ желаніе душевное, въ блаженство, въ восторгъ, въ истому всего существа. Она откинулась и легла навзничъ. Онъ легъ рядомъ, привалился къ ней, протянулъ руку. Тихо и нервно смѣясь, она поймала ее и потянула внизъ.

— Никакъ нельзя, — сказала она не то въ шутку, не то серьезно.

Она отвела его руку и цѣпко держала ее своей маленькой рукой, глаза ея смотрѣли въ треугольную раму шалаша на вѣтви яблонь, на уже потемнѣвшее, синее небо за этими вѣтвями и неподвижную красную точку Антареса, еще одиноко стоящую въ немъ. Что выражали эти глаза? Что надо было дѣлать? Поцѣловать въ шею, въ губы? Вдругъ она поспѣшно сказала, берясь за свою короткую черную юбку:

— Ну скорѣй что-ли...

Когда они поднялись, — Митя поднялся, совершенно пораженный разочарованіемъ, — она, перекрывая платокъ, поправляя волосы, спросила оживленнымъ ше-

потомъ, — уже какъ близкій человѣкъ, какъ любовница:

— Вы, говорятъ, въ Субботино ѣздили. Тамъ попь дешево поросятъ продаетъ. Правда?

XXIX

На этой же недѣлѣ, въ субботу, дождь, начавшійся еще въ среду, лившій съ утра и до вечера, лилъ какъ изъ ведра.

Онъ то и дѣло припускалъ въ этотъ день особенно ожесточенно, бурно и мрачно.

И весь день Митя безъ усталости ходилъ по саду и весь день такъ страшно плакалъ, что порой даже самъ дивился силѣ и обилію своихъ слезъ.

Параша искала его, кричала на дворѣ, въ липовой аллеѣ, звала обѣдать, потомъ чай пить — онъ не откликался.

Было холодно, пронзительно сыро, темно отъ тучъ; на ихъ чернотѣ густая зелень мокраго сада выдѣлялась особенно густо, свѣжо и ярко. Налетавшій отъ времени до времени вѣтеръ свергалъ съ деревьевъ еще и другой ливень, — цѣлый потопъ брызгъ. Но Митя ничего не видѣлъ, ни на что не обращалъ вниманія. Его бѣлый картузъ обвисъ, сталъ темно сѣрый, гимназическая куртка почернѣла, голенища были до колѣнъ въ грязи. Весь облитый, весь насквозь промокшій, безъ единой кровинки въ лицѣ, съ заплаканными, безумными глазами, онъ былъ страшень.

Онъ курилъ папиросу за папиросой, широко шагаль по грязи аллей, а порой просто куда попало, цѣликомъ, по высокой мокрой травѣ среди яблонь и грушъ, натываясь на ихъ кривые корявые сучья, пестрѣвшіе сѣро-зеленымъ размокшимъ лишайникомъ. Онъ сидѣлъ на разбухшихъ, почернѣвшихъ скамейкахъ, уходилъ въ лощину, лежалъ на сырой соломѣ въ шалашѣ, на томъ самомъ мѣ-

стѣ, гдѣ три дня тому назадъ лежалъ съ Аленькой. Отъ холода, отъ ледяной сырости воздуха большія руки его посинѣли, губы стали лиловыми, смертельно-блѣдное лицо съ провалившимися щеками приняло фіолетовый оттѣнокъ. Онъ лежалъ на спинѣ, положивъ ногу на ногу, а руки подъ голову, дико уставившись въ черную соломенную крышу, съ которой падали крупныя ржавыя капли. Потомъ скулы его стискивались, брови начинали прыгать. Онъ порывисто вскакивалъ, вытаскивалъ изъ кармана штановъ уже сто разъ прочитанное, испачканное и измятое письмо, полученное вчера поздно вечеромъ, — привезъ землемѣръ, по дѣлу пріѣхавшій въ усадьбу на нѣсколько дней, — и опять, въ сто первый разъ, жадно пожиралъ его:

«Дорогой Митя, не поминайте лихомъ, забудьте, забудьте все, что было! Я дурная, я гадкая, испорченная, я недостойна васъ, но я безумно люблю искусство! Я рѣшилась, жребій брошенъ, я уѣзжаю — вы знаете, съ кѣмъ... Вы чуткій, вы умный, вы поймете меня, умоляю, не мучь себя и меня! Не пиши мнѣ ничего, это бесполезно!»

Дойдя до этого мѣста, Митя яростно комкалъ письмо, падалъ на бокъ и, уткнувшись лицомъ въ мокрую солому, бѣшено стискивая зубы, захлебывался отъ рыданій. Это нечаянное ты, которое такъ страшно напоминало и даже какъ будто опять возстановливало ихъ близость и заливало сердце нестерпимой нѣжностью, -- это было выше человѣческихъ силъ! А рядомъ съ этимъ ты — это твердое заявленіе, что даже писать ей теперь -- бесполезно! О, да, да, онъ это зналъ: бесполезно! Все кончено и кончено навѣки! Она падшая, опоганенная навсегда и безъ возврата! И нѣтъ предѣла отчаянному безсилію, любви, нѣжности -- и отвращенію къ ней!

Передъ вечеромъ дождь, обрушившійся на садъ съ удесятеренной силой и съ неожиданными ударами грома, погналъ его наконецъ въ домъ. Мокрый съ головы до ногъ, не попадая зубъ на зубъ отъ ледяной дрожи во

всемъ тѣлѣ, онъ выглянулъ изъ подъ деревьевъ и, удивившись, что его никто не видитъ, пробѣжалъ подъ свое окно, снаружи приподнявъ раму, — рама была старинная, съ подземной половиной, — и, вскочивъ въ комнату, заперъ дверь на ключъ и бросился на кровать.

И стало быстро темнѣть. Дождь шумѣлъ повсюду, — и по крышѣ, и вкругъ дома, и въ саду. Шумъ его былъ двойной, разный, — въ саду одинъ, возлѣ дома, подъ непрерывное журчаніе и плескъ желобовъ, лившихъ воду въ лужи, — другой. И это создавало для Мити, мгновенно впаившаго въ летаргическое оцѣпенѣніе, необъяснимую тревогу и вмѣстѣ съ жаромъ, которымъ пылали его ноздри, его дыханіе и голова, погружало его точно въ наркозъ, создавало какой-то какъ-будто другой міръ, какое-то другое предвечернее время въ какомъ-то какъ-будто чужомъ, другомъ домѣ, въ которомъ было ужасное предчувствіе чего-то.

Онъ зналъ, онъ чувствовалъ, что онъ въ своей комнатѣ, уже почти темной отъ дождя и наступающаго вечера, что тамъ, въ залѣ, за чайнымъ столомъ, слышны голоса мамы, Апи, Кости и землемѣра, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже шелъ по какому-то чужому залу вслѣдъ за уходившей отъ него молодой нянькой, и его охватывалъ необъяснимый, все растущій ужасъ, смѣшанный однако съ вождѣленіемъ, съ предчувствіемъ близости кого-то съ кѣмъ-то, близости, въ которой было что-то противоестественно-омерзительное, но въ которой онъ и самъ какъ-то участвовалъ. Чувствовалось же все это черезъ посредство ребенка съ большимъ бѣлымъ лицомъ (бывшаго въ то же время и картиной, портретомъ Александра I), котораго, перегнувшись назадъ, несла на рукахъ и укачивала молоденькая нянька. Митя спѣшилъ обогнать ее, обогналъ и уже хотѣлъ заглянуть ей въ лицо, — не Аленка ли это, — но неожиданно очутился въ сумрачной гимназической классной комнатѣ съ замазанными мѣломъ стеклами. Та, что стояла въ ней передъ

комодомъ, передъ зеркаломъ, не могла его видѣть, — онъ вдругъ сталъ невидимъ. Она была въ шелковой желтой нижней юбкѣ, плотно облегающей округлыя бедра, въ туфелькахъ на высокихъ каблучкахъ, въ тонкихъ ажурныхъ черныхъ чулкахъ, сквозь которые просвѣчивало тѣло, и она, сладко робѣя и стыдясь, знала, что сейчасъ будетъ. Она уже успѣла спрятать ребенка въ ящикъ комода. Перекинувъ косу черезъ плечо, она быстро заплетала ее и, косясь на дверь, глядѣла въ зеркало, гдѣ отражалось ея припудренное личико, обнаженныя плечи и млечно-голубыя, съ розовыми сосками маленькія груди. Дверь распахнулась — и, бодро и жутко оглядываясь, вошелъ господинъ въ смокингъ, съ безкровнымъ бритымъ лицомъ, съ черными и короткими курчавыми волосами. Онъ вынулъ плоскій золотой портсигаръ, сталъ развязно закуривать. Она, доплетая косу, робко смотрѣла на него, зная его цѣль, потомъ швырнула косу на плечо, подняла голыя руки... Онъ снисходительно обнялъ ее за талію — и она охватила его шею, показывая свои темныя подмышки, прильнула къ нему, спрятала лицо на его груди...

XXX

И Митя очнулся, весь въ поту, съ потрясающе яснымъ сознаніемъ, что онъ погибъ, что въ мірѣ такъ чудовищно безнадежно и мрачно, какъ не можетъ быть и въ преисподней, за могилой. Въ комнатѣ была тьма, за окнами шумѣло и плескалось, и этотъ шумъ и плескъ были нестерпимы (даже однимъ своимъ звукомъ) для тѣла, сплошь дрожащаго отъ озноба. Всего же нестерпимѣе и ужаснѣе была чудовищная противосестественность человѣческаго соитія, которое какъ-будто и онъ только что раздѣлили съ бритымъ господиномъ. Изъ залы были слышны голоса и смѣхъ. И они были ужасны и противоестественны своей

отчужденностью отъ него, грубостью жизни, ея равнодушіемъ, безошадностью къ нему...

— Катя! — сказалъ онъ, садясь на кровати, сбрасывая съ нея ноги. — Катя, что же это такое! — сказалъ онъ вслухъ, совершенно увѣренный, что она слышитъ его, что она здѣсь, что она молчитъ, не отзывается только потому, что сама раздавлена, сама понимаетъ непоправимый ужасъ всего того, что она надѣлала. — Ахъ, все равно, Катя, — прошепталь онъ горько и нѣжно, желая сказать, что онъ простить ей все, лишь бы она по прежнему кинулась къ нему, чтобы они вмѣстѣ могли спастись, — спасти свою прекрасную любовь въ томъ прекраснѣйшемъ весеннемъ мірѣ, который еще такъ недавно былъ подобенъ раю. Но прошептавъ: «Ахъ все равно, Катя!» — онъ тотчасъ-же понялъ, что нѣтъ, не все равно, что спасенія, возврата къ тому дивному видѣнію, что дано было ему когда-то въ Шаховскомъ, на балконѣ, заросшемъ жасминомъ, уже нѣтъ, не можетъ быть, и тихо заплакалъ отъ боли, раздиравшей его грудь.

Она, эта боль, была такъ сильна, такъ нестерпима, что, не думая, что онъ дѣлаетъ, не сознавая, что изъ всего этого выйдетъ, страстно желая только одного — хоть на минуту избавиться отъ нея и не попасть опять въ тотъ ужасный міръ, гдѣ онъ провелъ весь день и гдѣ онъ только что былъ въ самомъ ужасномъ и отвратномъ изъ всѣхъ земныхъ сновъ, онъ дрожащей рукой нашарилъ и отодвинулъ ящикъ ночного столика, поймалъ холодный и тяжелый комъ револьвера и, глубоко и радостно вздохнувъ, раскрылъ ротъ и съ силой, съ наслажденіемъ выстрѣлилъ.

Ив. Бунинъ.

14. IX. 1924.

Приморскія Альпы.